

УДК 821.161.1-343.4

СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ЛЬВА ГУМИЛЁВА

Ю. Л. Василевская

Тверской государственной университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

В статье рассматриваются особенности воплощения традиционных сказочных образов и сюжетов в лирике Льва Гумилёва, для которого сказка становится частью его историософских рассуждений. Она изображается как постоянно возобновляющийся миф, проходящий через всю историю и определяющий её развитие.

Ключевые слова: Лев Гумилёв, сказка, мотив сна.

В небольшом литературном наследии историка и философа Л. Гумилёва сказка занимает особое место. К сказочным сюжетам он обращается главным образом в двух своих поэмах – «Сон спящей царевны» и «Седьмая жена Синей Бороды».

В обеих поэмах сказка – это призма, через которую поэт протягивает нити, связывающие прошлое с настоящим. Введение в сказку у Л. Гумилёва начинается во вполне романтическом духе – через сон. Именно состояние сна и противопоставление сна и яви станет для этих поэм определяющим. В поэме «Сон спящей царевны» это сон, навеянный злым колдовством. В «Седьмой жене Синей Бороды» это страшная реальность, которая ужаснее, чем сама сказка о Синей Бороде.

Сон соединяет прошлое и настоящее. Прошлое в изображении Л. Н. Гумилёва – это кровавые расправы и одновременно славные деяния, которыми не может похвастаться современность:

Сжать судьбу в кулак, швырнуть под ноги,

Растоптать и снова приподнять,

Чтобы други, недруги и боги

Смели лишь смотреть и трепетать.

Чтобы тьма разверзлась под ударом,

Чтоб огни воскресли в глубине,

Чтобы все загрезили о старом

В сонном царстве, в вечном полусне [2, с. 56–57].

История показывается не как последовательность фактов, связанных причинно-следственной связью, она подчинена логике сна с его фрагментарностью и причудливыми ассоциативными связями, сменяющими привычную логику яви.

Ни звуков, ни песен, ни слов,

Ни мысли, сознанию внятной,

Лишь сонм заблудившихся снов.

В них крови запёкшейся пятна,
Обрывки знамён по углам,
Монголов тяжёлые плети,
Да древние витязи к нам
Приходят из прошлых столетий [2, с. 57].

Спящая царевна в одноимённой поэме Л. Гумилёва воплощает в себе, с одной стороны, тяжёлый рок, тяготеющий над Россией. И в этом смысле он подарил ей «не слишком весёлые сны». С другой стороны, спящая царевна – это и есть Россия.

Автор недаром обращается именно к этой сказочному сюжету, ведь сюжетообразующий центр сказки Ш. Перро – это не просто сон, а сон-ожидание. Царевна ждёт принца-избавителя, о чём упоминается в самом начале поэмы Л. Гумилёва. Мотив надежды на пробуждение от сна повторяется и в конце произведения: «Царевна спит, веретено // В руке, и крепко спит царевна, // А нам надеждой суждено // Сквозь сон питаться повседневно» [2, с. 59]. Этот мотив подкрепляется мотивом бдения, который также начинает поэму: «Нет, лучше ночь сидеть с огарком, // Чем свет последний *променять* // На тьму, да мёртвую кровать» (выделено мной – Ю. В.) [2, с. 56]. В оригинале вместо *променять* стоит *продремать*, но «продремать на что-то» (тьму, кровать) нельзя. Автор поэму к публикации не готовил, поэтому в варианте, который был опубликован в нижеприведённом издании, возможны ошибки. Вероятно, это одна из них.

Завершается всё так: «Весь мир окутал сумрак серый, // Но нужно дожидаться дня» [2, с. 59].

Мотив сна, навеянного злым колдовством, главенствует и в поэме Л. Гумилёва «Седьмая жена Синей Бороды». Композиционно она поделена на шесть озаглавленных частей. Четыре заглавия из шести связаны с семантикой сна или его противоположности (*явь, сон, бессонница, бред*). Состояние *яви* соответствует сказочной реальности, которая организуется вокруг образов Синей Бороды, его жены и её братьев. Она поддерживается указаниями на такие реалии, как замок, карета и др. Состояние же сна соответствует современной поэту реальности. Здесь есть намёки и на судьбу самого Л. Н. Гумилёва (упоминание Сибири, тюрьмы). При этом сон ставится автором на первое по значимости место: «Не явь, но сон, как быль, // Печаль моей земли» [2, с. 64]. При этом «сказочные» и «несказочные» части чередуются, сливаясь воедино в последней («Бред»).

Лирический герой этой поэмы – брат седьмой жены Синей бороды. Он является заложником сразу двух реальностей – «сказочной» и «несказочной»:

А мне, потерявшему время,
Мерещится сталь топора
И в башне, заброшенной всеми
И всеми забытой, – сестра [2, с. 60].

Он узник и «в Сибири давно кандалами звенит». Его сестра, запертая в замке Синей Бороды и призывающая братьев на помощь, здесь ассоциируется с Россией, которая также находится под властью страшного тирана. На это указывают упоминания 1917-го и 1938-го годов в первом («сказочном») фрагменте поэмы. Об этом говорится и в четвёртой (также «сказочной») части:

Но уже начинался косматый
Неживой, неоконченный год,
Оглашая раскатом набата
Свой внезапный приход и уход [2, с. 62–63].

Сам образ Синей Бороды расплывчат, нематериален. Он подобен страшному кошмару, который только чудится его жене: «Казалось, что кем-то снаружи // На замок накинута аркан. // На синюю бороду мужа // Казался похожим туман» [2, с. 60].

Реальность лирического героя, заключённого в тюрьме, развёртывается по законам сна. Кошмар начинается с его пробуждения в «полнощной стране», которая в фольклорных произведениях неизменно ассоциировалась с миром мёртвых. Это «сноподобная» явь не имеет, впрочем, никаких конкретных указаний на тюремный быт, кроме упоминания «бряцанья затвора». Её описание включает в себя четко выстроенную вертикаль *мертвец – сосна / ель – месяц*, внутри которой нет никаких семантических указателей на заключение героя в каком-то замкнутом пространстве или на иное ограничение свободы.

В этом мире воплощённого кошмара также присутствует зловещий соглядатай. Это мертвец, лежащий рядом с издохшим конём под чёрной елью, на котором концентрируются все страхи лирического героя. Он изображается как тёмный колдун из русских сказок, которого не может упокоить даже могила (например, упоминается его «нечеловечий» взгляд, его «тёмная сила», которая осталась с ним даже после смерти). Вторым зловещим соглядатаем становится «мёртвый месяц».

При этом месяц становится своеобразным двойником издохшего коня, принадлежащего страшному мертвецу:

Он один в своей пустыне
Кровь в ноздрях, в глазах огонь,
Он совсем не месяц ныне,
Он издохший ханский конь [2, с. 63–64].

Если сказка о спящей царевне в трактовке Л. Гумилёва имеет возможность счастливого конца, то этот сказочный сюжет его лишён. Братья не смогут спасти сестру от расправы.

Здесь стоит отметить, что все женские образы в поэмах Л. Гумилёва – это женщины-жертвы. Они ничего не могут изменить в своей судьбе и полностью зависят от прихода героя-избавителя.

Осознание лирическим героем невозможности что-то изменить влечёт за собой смирение перед роком и готовность принять свою судьбу. Представление о неумолимой судьбе, действующей вопреки сюжетной логике данной сказки, упоминается уже в начале поэмы: «На свете судьба, а не случай. // Живи, неизбежность кляня» [2, с. 61].

Таким образом, сказочный сюжет становится для Л. Гумилёва возможностью возвести свой рассказ о страшных реалиях советского времени и о своей личной трагедии в степень мифа. Реальность героя-сновидца, страшная, подобная бессвязному бреду, получает объяснение через историю о Синей Бороде. Таким образом, сама история предстаёт как постоянно самовозобновляющийся миф. При этом источник-праоснова изображается как более реальный, чем её дальнейшие вариации.

Сказочный сюжет лишается традиционного для него счастливого конца, но при этом он не получает и развязки-катарсиса. Исторический процесс и собственно сюжет в поэмах Л. Гумилёва разворачиваются по принципу спирали, поэтому конца не имеют, так как вариаций первосюжета в истории может быть сколь угодно много.

Из всего сказанного видно, что и в своём обращении к сказке Л. Гумилёв действует в первую очередь как историк, а не как поэт. Обе поэмы посвящены вычленению в истории России главных, узловых моментов, то есть обе они про историю. Поэта не интересует мир той или иной сказки как таковой. Она интересна ему только как *иллюстрация* глобальных исторических процессов, возведённых за счёт сказочного сюжета к символу.

Любая фольклорная сказка строится как последовательность узловых моментов, меняющих судьбу героя. Поэмы Л. Гумилёва полностью лишены этого. В них всё уже случилось: царица уколола палец о веретено, жена Синей Бороды открыла запретную комнату. Поэтому весь сюжет сводится к процессу ожидания. И как, например, и в драмах-ожиданиях М. Метерлинка, собственно ожидание становится мучительнее самой трагедии, которая должна за этим последовать.

Отличие от традиционной сказки заключается также и в практически полном отсутствии пространственной протяжённости в поэмах Л. Гумилёва. Обе они имеют строго вертикальную организацию. В поэме «Седьмая жена Синей Бороды» это уже упоминаемая схема *мертвец – сосна / ель – месяц*, в поэме «Сон спящей царицы» – *чёрные звёзды – спящая царица – чёрный омут*. Обычно такая организация пространства в произведении указывает на устремлённость к небу, на стремление вырваться из места, в котором в данный момент находится герой. В поэмах Л. Гумилёва она становится воплощением идеальной темницы, темницы без стен, замков и сторожей. Герой замкнут между верхом и низом, являющимися зеркальным отражением друг друга (*мертвец – мертвый месяц, чёрные звёзды – чёрный омут*).

Единственная возможность для лирического героя Л. Гумилёва что-то изменить в этом «сонном царстве» – это, подобно пассионарному герою его историсофских сочинений, найти в себе силы «сжать судьбу в кулак».

Список литературы

1. Гумилёв, Л. Н. «Дар слов мне был обещан от природы» : Литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза [Текст] / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Росток, 2004. – 622 с.

FAIRY TALES IN LEV GUMILEV'S ART WORLD

U. L. Vasylevskaya

Tver State University

The department of the philological bases of publishing and literary work

The article discusses the features of traditional incarnation fairytale images and themes in Lev Gumilev's lyrics, for which the story becomes part of his historiosophical reasoning. It is portrayed as a constantly recurring myth passing through all the history and defining its development.

Keywords: *Lev Gumilev, tale, "sleep" motive.*

Об авторах:

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.